

лый», из-за чего все три фразы, где оно употреблено, были переведены неверно:

Текст

Чему мычеши Хиновтскыя стрѣлки на
свою не трудною крилицю на моея лады
вои?

възвелѣй господине мою ладу къ мнѣ

Чему господине простре горячую свою
лучю на ладѣ вои?

Перевод

К чему навеваешь легкими своими
крыльями Хиновския стрелы на милых
мне воинов?

принеси же и ко мне моего милаго.

Но к чему ты так уперло знойные лучи
свои на милых мне воинов?

По всей видимости, Карамзин в этом примечании, говоря о значении слов «ладо» и ссылаясь при этом на «Слово о полку Игореве», имел в виду неправильное осмысление этого термина в переводе первого издания.

Приводя цитату из «Слова», в которой встречается выражение «цвѣлѣти», Карамзин подробно комментирует его: «Цвѣлѣть то же, что *квелить*, — *приводить в слезы, огорчать*. На польском *kwiliscie*, на богемском *kwiljst* значит *вѣть и плакать*. В Волинск. Лет. (в рукописн., стр. 727) сказано: „ати инаа дѣтій не цвѣлѣть“, — вместо: „не оскорбляет“» (т. III, прим. 71) В первом издании «Слова о полку Игореве» этот оборот был переведен иначе: «Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлѣти» → «Игорю и Всеволод! рано вы начали воевать землю Половецкую».

Говоря о выражении «шестокрилицы», Н. М. Карамзин пишет: «„Ингарварь, Всеволодъ (братья Мстислава Ярославича) и вси три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрилицы“. Сравнивая сих трех братьев с пернатыми, он называет их *шестокрылыми* для того, что у трех птиц *шесть крыльев*» (т. III, прим. 266). В первом издании слово «шестокрилицы» оставлено без перевода и никак не прокомментировано.

В трех переводах, предшествующих переводу первого издания, «Осомысл» объяснено как Гостомысл. Эта историческая нелепость (легендарный Гостомысл никак не мог фигурировать в «Слове» как лицо, современное описываемым событиям) была устранена в первом издании, и в переводе было оставлено слово оригинала «Осомысл», но о том, что должно означать это слово (вероятно, оно и в первом издании воспринималось как имя собственное, так как и в древнерусском тексте, и в переводе набрано с прописной буквы), ничего сказано не было. Карамзин дает объяснение значению этого эпитета. В своем переводе он пишет: «Он (автор «Слова», — Л. Д.) называет Ярослава галицкого Осмомыслом» — и делает к этому месту своего перевода такое примечание: «В том смысле, что его один ум заменял восемь умов» (т. J, прим. 267).

Все сказанное заставляет нас признать, что работа первых издателей «Слова» не была известна Н. М. Карамзину до выхода в свет первого издания, что издатели, подготавливая «Слово» к изданию, не обращались к Карамзину. Более того, у нас есть основания утверждать, что Карамзин, отмечая отдельные недостатки и ошибки первого издания, дополняя и уточняя перевод «Слова» и комментарии к нему, вместе с тем в какой-то мере сам испытал на себе влияние первого издания «Слова о полку Игореве», повторив даже одну ошибку первых издателей.

В первом издании было неверно прочитано и истолковано слово оригинала «кмети» в характеристике Всеволодом своих воинов курян. Первые издатели разделили это слово на два: «а мои ти Куряни свѣдоми къ мети» — и соответственно перевели: «Мои Курчане в цель стрелять знающыи». Карамзин в своем переводе-пересказе «Слова» передает это место